

Узел, который нас сожжет

Таисия Авеннел

Таисия Авеннел

Узел, который нас сожжет

<https://litres.ru/74158758>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если враг — единственный, кто может спасти?

Таисия Авеннел — попаданка с даром чистой энтропии. Она не творит магию — она её уничтожает. Гарет Морвейн — ректор Академии, архимаг Пространства. Он должен был её казнить. Вместо этого он привязал её к себе магической меткой.

Теперь они — одна боевая единица. Инквизиция хочет её смерти. Император хочет её силы. А они сами не знают, что страшнее: ненависть друг к другу или притяжение, которое может сжечь их обоих.

Для поклонников тёмной академии, врагов-любовников и магии, которая выходит из-под контроля.

Таисия Авеннел

Узел, который нас сожжет

Глава 1. Катастрофа в пентаграмме

Резкий визг тормозов. Удар. Боль — и сразу после неё звенящая, давящая на барабанные перепонки пустота.

Это было последнее, что я зафиксировала в своей прошлой жизни. Никакого света в конце туннеля. Только тяжелый, глухой пульс в висках и ощущение свободного падения сквозь ледяной вакуум.

А затем реальность разорвалась.

Вспышка слепящего ультрамаринового света ударила по сетчатке. Пол материализовался подо мной внезапно — я не успела сгруппироваться. Удар вышиб воздух из легких, приложившись коленями и ладонями о гладкий камень. Холодный. Скользкий.

«Отлично. Я умерла и попала в холодильник», — мелькнула идиотская мысль, прежде чем прагматик внутри меня дал по затылку: «Дыши. Оцени ущерб. Потом паникуй».

Я попыталась сделать вдох. Воздух здесь был тяжелым, плотным, гудящим от статического напряжения. Волоски на руках встали дыбом. В груди застрял спазм — то ли от удара, то ли от страха, который я отказывалась признавать.

Чужие пальцы сомкнулись на моем предплечье. Рывок — и меня вздернули на ноги так легко, словно я ничего не ве-

сила. Суставы хрустнули.

— Кто вы и как обошли внешний контур?

Голос ударил по нервам. Низкий, вибрирующий от сдерживаемой ярости. В нем не было удивления. Только абсолютная, ледяная власть.

Я распахнула глаза. И пожалела об этом.

Надо мной нависал мужчина. Высокий, широкоплечий, он заслонял собой свет, хотя никакого источника я не видела. Лицо — жесткое, рубленое, с хищным изломом бровей. Глаза цвета предгрозового неба. Взгляд палача, оценивающего, куда нанести удар, чтобы было меньше хлопот.

Волосы зачесаны назад. На висках — ранняя седина. На щеке, уходящей под высокий воротник сюртука, — уродливый, стянутый шрам от старого ожога.

Мой живот скрутило от страха. Я подавила его. Показать слабость сейчас — значит подписать себе приговор.

— Отпустите, — выдавила я.

Попытка вырваться была смешной. Его хватка — стальной капкан. Я дернулась, он сжал сильнее. Боль прострелила плечо. Я стиснула зубы, чтобы не закричать.

— Повторяю вопрос.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите. — Голос звучал хрипло, но я вскинула подбородок. Сердце колотилось о ребра, но адреналин уже вымывал страх. — Я вообще не понимаю, где нахожусь. И кто вы такой.

Он скривил губы в усмешке. Свободная рука поднялась.

Пространство вокруг пальцев пошло рябью, как воздух над раскаленным асфальтом.

— Вы нарушили структуру заклинания, на которое ушли месяцы. Если вы не начнете говорить, я выпотрошу ваш разум и достану правду сам.

Два пальца в кожаной перчатке коснулись моего виска.

Это было похоже на удар током. Ослепительная вспышка боли прошла череп, отзываясь в каждой нервной клетке. Я закричала — коротко, сдавленно. Чужая воля ледяным лезвием вскрывала сознание, выворачивая наизнанку.

Я видела его глаза. Он действительно собирался это сделать.

И в этот момент внутри меня что-то сорвалось.

Где-то в районе солнечного сплетения вспыхнул жар. Обжигающий, пульсирующий. Он не был похож на его ледяную магию — это был чистый, первобытный хаос. Волна рванулась по венам, выжигая боль, концентрируясь в точке контакта.

Я ударила его ладонью в грудь.

Пространство между нами лопнуло с оглушительным треском. Ударная волна отбросила нас друг от друга. Меня швырнуло назад, я проскользила по гладкому камню, содрав кожу с ладоней. Вскочила на ноги, тяжело дыша. Кожа горела. В венах пульсировал расплавленный свинец.

Он устоял. Полы черного сюртука взметнулись, словно крылья разъяренной птицы.

В зале повисла мертвая тишина.

Он медленно поднял голову. Шторм в его глазах сменился холодным изумлением. Он перевел взгляд на свою руку — кожаная перчатка дымилась. Рунические пуговицы на груди, в том месте, куда пришелся мой удар, потрескались и осыпались серым пеплом.

— Антимagia... — прошептал он. И от этого шепота по моей спине пробежал ледяной пот. — Прямо в сердце Академии.

Я стояла, пытаюсь унять дрожь в руках. Жар внутри стремительно спадал, оставляя после себя сосущую пустоту. Ноги стали ватными. Только сейчас я огляделась. Огромный круглый зал. Пол подо мной исчерчен сложнейшей вязью, которая чернела и осыпалась крошечками, как перегоревшие провода.

Мой взгляд скользнул по рукам. Тонкие, дрожащие пальцы. Кожа гладкая, без привычных морщинок. На левом запястье — тот же белый шрам поперек вен. Тело ощущалось моим и одновременно чужим. Более легким. Более гибким.

Моя офисная юбка и блузка исчезли. На мне была грубая, разорванная ткань серого балахона, едва достигающего до колен.

«Ты умерла, Таусия. И попала в ад. В адском театре идет спектакль, а ты — главная дура», — подумала я. Ирония не помогала. Но она не давала провалиться в истерику.

— Невероятно, — голос мужчины заставил вздрогнуть.

— То, что вы еще живы.

— Я тоже удивлена, — огрызнулась я.

Он больше не пытался ко мне прикоснуться. Стоял в трех шагах, изучая меня с пугающей внимательностью. Широкие плечи напряжены. Дыхание ровное.

Он стянул с руки дымящуюся перчатку и отбросил ее на пол. Обнаженная ладонь — широкая, с длинными, мозолистыми пальцами воина, а не ученого. На тыльной стороне кисти вздулась сеть темных вен.

— Эта пентаграмма была замкнута на ядро Академии. Любой посторонний объект должно было расщепить на атомы. — Он говорил сухо, отрывисто. — Вы не просто прошли сквозь барьер. Ваш выброс обнулил мой силовой контур. Он выжег защиту, которую я строил три месяца.

Я почувствовала себя виноватой. Идиотская реакция. Кто-то только что пытался взломать мой мозг, а я чувствую себя виноватой.

— Я не специально, — сказала я, и в голосе прорезалась злость — на него, на себя, на эту ситуацию. — Я защищалась.

Он сделал резкий жест рукой. Воздух справа пошел рябью. Из искажения шагнули две фигуры в темной матовой броне. Лица скрыты за глухими шлемами.

Пути к отступлению отрезаны. Переговоры зашли в тупик.

— Взять ее.

Стражники двинулись ко мне — бесшумно, синхронно.

— Не подходите! — Я попятилась, вскидывая руки. Попыталась нащупать тот обжигающий жар внутри — и наткнулась на пустоту. Батарейка разрядилась в ноль.

Они схватили меня за плечи. Никакой грубости — просто мертвая, стальная фиксация. Руки профессионально заломили за спину. Я стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть.

Он подошел вплотную. Разница в росте была подавляющей. Я смотрела на его грудь, на пуговицы с вязью, теперь мертвые и пыльные. От него больше не исходил ледяной холод магии — только живое, опасное тепло человеческого тела.

Он взял меня за подбородок. Пальцы горячие, шершавые.

— Ваш резерв истощен, — констатировал он, глядя в мои расширенные зрачки. — Вы пусты. Но это временно.

— Отпусти меня.

— Мы выясним, кто вы. — Голос стал тише, отчего прозвучал еще страшнее. — И мы выясним, как работает ваша аномалия. Я разберу ваш дар на составляющие, даже если для этого придется разобрать на составляющие вас.

Он резко отпустил мое лицо, отвернулся.

— В карцер ее. В нижний сектор. В камеру с подавителями.

Я дернулась, но конвоиры лишь жестче сжали руки, потащив к выходу.

— Если попытается колдовать, — бросил он нам в спину, — позволено применить силу.

Тяжелые металлические двери с лязгом сомкнулись за моей спиной, отсекая свет. Холодный каменный коридор, шаги, отдающиеся эхом. И пустота внутри — та самая, которую я так боялась.

«Ты вляпалась, Таусия. Вляпалась по-крупному», — подумала я.

И впервые за всю свою сознательную жизнь не знала, что делать дальше.

Глава 2. Допрос с пристрастием

Камера встретила меня глухой тишиной и холодом, пробирающим до костей.

Никаких решеток — только монолитные каменные стены, испещренные тускло мерцающей вязью рун. Подавители. Я поняла это интуитивно: стоило переступить порог, как на плечи опустилась невидимая плита, выдавливая из легких воздух, а из тела — остатки той странной энергии, что спасла меня в пентаграмме.

Конвоиры толкнули меня внутрь и ушли, не проронив ни слова. Дверь за спиной сомкнулась с глухим, обреченным лязгом.

Я постояла секунду, восстанавливая дыхание. Потом медленно опустилась на ледяной пол, прислонилась спиной к стене. Камень обжигал холодом, но это помогало держать мысли в фокусе.

«Аудит. Быстро. Без паники», — приказала я себе.

Я опустила взгляд на руки. Сжала-разжала кулаки. Тело слушалось безукоризненно. В прошлой жизни после такого удара об пол моя спина давно бы взвыла, а колени предательски дрожали. Здесь мышцы пружинили, полные незнакомой силы. Кожа была гладкой, упругой. Тело явно моложе, выносливее. Словно кто-то взял мою матрицу, стер десяток лет стресса и дедлайнов, оставив чистый механизм.

Но шрам на левом запястье остался. Тот же тонкий, белый рубец поперек вен. Я машинально провела по нему пальцем.

«Это ты, Таисия. Просто в другой упаковке».

Тишину нарушил резкий щелчок замка. Я мгновенно вскочила на ноги, принимая сбалансированную стойку — ноги на ширине плеч, центр тяжести смещен вперед.

Дверь бесшумно отъехала в сторону. В камеру шагнул ректор.

В тесном пространстве его габариты казались еще более пугающими. Он скинул черный сюртук, оставшись в строгой темно-серой рубашке с закатанными до локтей рукавами. Ткань натянулась на широких плечах, подчеркивая рельеф мышц и тугую перевязь с закрепленными на ней короткими металлическими цилиндрами. На поясе — связка артефактов, на бедре — нож в кожаных ножнах.

Без верхней одежды шрам на его шее стал еще заметнее. Уродливый, стянутый белой тканью рубец — словно кто-то плеснул ему на кожу кислотой и оставил умирать.

Он не стал закрывать за собой дверь, но воздух в камере

мгновенно потяжелел. Словно он выкачал весь кислород одним своим присутствием.

— Ваше имя, — произнес он ровно, без интонаций. Глаза — холодные, серые — смотрели в упор.

— Таисия. — Я вздернула подбородок. — Таисия Авеннел. И я требую объяснить, на каком основании меня бросили в эту клетку.

Гарет — так я мысленно окрестила его, пока не узнаю настоящего имени — сделал медленный шаг вперед. Его движения обладали той текучей, хищной пластикой, которая бывает только у людей, привыкших убивать в ближнем бою.

— На основании того, Таисия Авеннел, что вы — несанкционированная аномалия, уничтожившая стабилизирующий контур Академии. — Его голос был тихим, но от этой тишины по позвоночнику скользнул мороз. — Вы живы только потому, что я хочу понять природу вашей силы. Кто научил вас инвертировать магию пространства?

— Физика, — огрызнулась я. — Законы Ньютона. Сила действия равна силе противодействия. Вы попытались влезть мне в голову — я ответила.

Он остановился в шаге от меня. Ближе, чем допускали любые личные границы. Я чувствовала жар, исходящий от его тела, видела каждую жесткую линию его лица — скулы, челюсть, темные ресницы, обрамляющие тяжелый взгляд.

— Вы держитесь уверенно для той, кто заперт в изоляторе шестого уровня. — Он чуть склонил голову набок, изучая

меня. — Ни истерик, ни слез. У вас выучка.

— У меня инстинкт самосохранения. И аллергия на властных мужчин, которые не умеют держать руки при себе.

Его губы дрогнули. Не улыбка — что-то другое. Жесткое, опасное. Одобрение? Или просто предвкушение?

— Значит, договариваться вы не намерены. Что ж.

Он вскинул руку быстрее, чем я успела моргнуть. Пальцы — горячие, жесткие — впились в мой затылок, вплетаясь в волосы. Второй рукой он перехватил мое запястье, лишая возможности ударить снова.

— Пусти! — Я дернулась. Бесполезно.

— Я задам вопрос один раз, — сказал он. Его лицо оказалось в опасной близости от моего. Глаза потемнели до цвета мокрого асфальта. — Кто ваш наниматель? Какому ордену вы служите?

— Иди к черту.

— Неверный ответ.

Пространство между нами сжалось. Я почувствовала, как в мой разум с неотвратимостью ледокола вгрызается чужая воля. Это не было физической болью. Это было ощущение тотального подавления. Он сканировал мои мысли, ломал ментальные барьеры, пытаясь найти скрытые воспоминания.

В глазах потемнело. Виски сдавило стальным обручем. Перед внутренним взором мелькнули обрывки прошлой жизни: стеклянные высотки, светящиеся мониторы, графики, шумные улицы.

Я задохнулась.

Гарет замер. Его брови сошлись на переносице, хватка на моем затылке на долю секунды ослабла. Он наткнулся на воспоминания, которые не имели смысла в его реальности. Его сканирующая магия захлебнулась в графиках продаж и шуме городского транспорта.

Эта секундная заминка стала моим шансом.

Глубоко внутри, под гнетом подавителей и его сокрушительной магии, заворочался тот самый первобытный хаос. Он отреагировал не на заклинание, а на мою ярость — на острое, жгучее нежелание подчиняться чужому контролю.

Волна антимгии вспыхнула в крови жидким пламенем. Она не ударила наружу лучом — она взорвалась изнутри, расходясь от меня ударной волной.

Руны на стенах камеры мигнули и погасли. Камень под ногами завибрировал.

Гарета отшвырнуло назад. Его пальцы разжались. Он пролетел через всю камеру и с глухим стуком врезался спиной в противоположную стену.

Я рухнула на колени, судорожно хватая ртом воздух. Сердце билось в горле так сильно, что перед глазами плясали красные пятна. Кожа горела. Я уперлась сбитыми ладонями в холодный пол, стараясь не потерять сознание.

В камере воцарилась крошечная темнота.

Я услышала, как он медленно поднялся. Ни стоны, ни проклятия. Только звук тяжелых шагов.

Он подошел ко мне. Я заставила себя поднять голову. Ожидала удара, приговора. Но в его глазах больше не было ярости. Там читалось нечто иное — пугающее, собственническое осознание.

Он смотрел на меня так, как смотрят на оружие, способное уничтожить мир. Оружие, которое только что сожгло изоляционные контуры шестого уровня.

Мужчина медленно опустился передо мной на одно колено. Его горячие пальцы — на этот раз почти осторожно — коснулись моего подбородка, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

— Выжженный контур. Обнуление магии Пространства. Полное отсутствие понимания того, как вы это делаете. — Его голос был хриплым, вибрирующим на грани слышимости. — Я собирался отдать вас Инквизиции. Но они не справятся. Они попытаются вас уничтожить, а вы в ответ снесете половину столицы.

— Значит... убьешь меня сам? — выдавила я пересохшими губами.

Его пальцы на моем лице напряглись. Взгляд опустился на мои губы, задержался на секунду, прежде чем снова вернуться к глазам.

— Вы слишком опасны, чтобы оставлять вас без моего личного присмотра, Таисия Авеннел. — Он поднялся, возвышаясь надо мной. — И слишком ценны, чтобы ломали чужие руки.

Он повернулся к выходу.

— С завтрашнего дня вы зачислены в Академию. Будете спать, есть и тренироваться на моих условиях. И молитесь, чтобы не вылететь после первого же испытания. Потому что за стенами Академии ваша жизнь не будет стоить и ломаного гроша.

Дверь за ним захлопнулась. Я осталась одна в темноте.

«Поздравляю, Таисия. Ты только что получила работу в компании, которая хочет тебя уничтожить», — подумала я.

И почему-то улыбнулась. Плохая привычка. Но если я не буду смеяться, я закричу.

Глава 3. Змеиное гнездо

Конвоиры вели меня по бесконечным каменным коридорам Академии. После ледяного вакуума карцера тишина казалась почти оглушительной. Мои шаги отдавались гулким эхом под высокими сводчатыми потолками. Единственным источником света служили вмонтированные в стены тусклые кристаллы, отбрасывающие на серый камень бледные, мертво-голубые блики.

Тело еще мелко дрожало. Выброс антимагии выжег резервы дотла. В венах перекачивался остывающий свинец, каждое движение давалось с усилием. На левом запястье, поверх старого шрама, кожа пульсировала фантомным ожогом — там, где наши энергии вошли в контакт.

«Отличное начало. Ты здесь меньше часа, а уже сломала магию, уничтожила пентаграмму и едва не убила ректора. Продолжай в том же духе — к вечеру тебя казнят за государственную измену», — подумала я.

Прагматик внутри меня зашевелился, выстраивая логические цепочки. Я — пленница в теле неизвестной девчонки, в мире, где нарушена базовая физика. У меня есть нестабильный дар, способный уничтожать чужую магию. И у меня есть куратор-инквизитор, который будет препарировать мои способности под микроскопом.

Вывод: чтобы выжить, мне нужно стать идеальным, непредсказуемым механизмом. Изучить их правила, чтобы понять, как именно их ломать.

Мы остановились перед массивной дубовой дверью, окантованной темным металлом. Один из стражников толкнул створку.

Помещение интенданта. Скупое освещение, длинные ряды деревянных стеллажей, забитых сукном, свитками и металлическими цилиндрами. За стойкой стоял высокий, сухой как жердь человек с лицом, напоминающим смятый пергамент, и абсолютно бесцветными, водянистыми глазами.

Конвоир коротко ударил кулаком по груди:

— Приказ ректора Морвейна. Новая адепта. Зачислить на нулевой курс, выдать базовый комплект.

Интендант перевел на меня блеклый взгляд. Ни удивления, ни интереса. Просто медленно кивнул, повернулся к

стеллажам и швырнул на стойку стопку одежды.

— Базовый комплект. — Голос скрипучий, как несмазанная петля. — Раз в сезон. Порвешь — будешь ходить в лохмотьях. Имя?

— Таисия Авеннел.

Я подошла к стойке и коснулась ткани. Пальцы свело отворачиванием. Тяжелая, негнушаяся шерсть колючего темно-коричневого цвета. Длинная, в пол, юбка из невероятно плотного сукна. И глухая, жесткая блуза с воротником, способным натереть шею до крови за пару часов.

Никакой брони. Никаких тактических элементов. Одежда, созданная для того, чтобы сковывать движения и подчинять.

«Колониальный дресс-код. Классика», — отметила я про себя.

— Ширма там, — интендант махнул рукой в темный угол.

Я молча взяла стопку. За ширмой быстро стянула остатки серого балахона и натянула форму. Ткань мгновенно впилась в кожу тысячами мелких игл. Юбка оказалась настолько тяжелой, что тянула вниз, заставляя сутулиться. Я застегнула жесткие костяные пуговицы блузы под самое горло, посмотрела на руки, утонувшие в слишком длинных рукавах.

«К вечеру от этой юбки не останется и следа», — пообещала я себе. Перешью в подобие брюк, даже если придется использовать вместо ниток собственные волосы.

Выйдя из-за ширмы, я обнаружила, что конвоиры исчез-

ли. Интендант молча положил на стойку тяжелый железный ключ с выбитой цифрой «412» и отвернулся.

— Четвертый ярус, восточное крыло. Иди прямо по коридору, пока не упруешься в центральный холл. Там найдешь лестницы.

Путь до студенческого сектора занял не меньше четверти часа. Чем дальше я уходила от административного крыла, тем светлее становились коридоры. Холодный синий свет кристаллов сменился теплым, золотистым сиянием крупных сфер, парящих под потолком. Мертвая тишина наполнилась звуками: гул голосов, смех, резкие хлопки отдаленных магических разрядов.

Я вышла в просторный, многоуровневый холл, пересеченный переходами и винтовыми лестницами из светлого камня.

И мгновенно оказалась в центре внимания.

Здесь кипела жизнь. Адепты перемещались стайками, и их форма разительно отличалась от моего колючего мешка. Идеально подогнанные камзолы глубокого сапфирового и изумрудного цветов, расшитые серебром мантии, элегантные плащи с гербами на плечах. Девушки носили изящные платья, подчеркивающие фигуру, с узкими рукавами и сложной вышивкой на лифах.

И посреди этого великолепия стояла я — в мешковатой коричневой дерюге нулевого курса, с неровно обрезанными до плеч растрепанными волосами.

Разговоры вокруг начали стихать. Десятки глаз обратились в мою сторону. Взгляды скользили по моей фигуре, оценивая, взвешивая и тут же списывая со счетов. В них читалось брезгливое превосходство элиты, столкнувшейся с грязью на паркете.

Я расправила плечи. Проигнорировала тяжесть юбки. Ровным, чеканным шагом направилась к ближайшей лестнице.

Мое лицо превратилось в непроницаемую маску. В прошлой жизни я входила в залы заседаний директоров, где каждый был готов перегрызть мне горло за контракт. Эти разряженные детишки меня не пугали.

Но дойти до лестницы мне не дали.

Трое парней в темно-бордовых камзолах старшекурсников синхронно шагнули наперерез, блокируя узкий проход. Центральный — высокий, с надменным, скуластым лицом и холодной, хищной улыбкой — плавно скрестил руки на груди. На его пальцах тускло блеснули перстни-накопители.

— Потерялась, мышка? — Голос мягкий, но в этой мягкости — угроза. — Служебные помещения для прислуги на нижнем уровне.

— Я не мышка, а вы не навигатор. — Я остановилась в двух шагах от него. Дистанция для удара, если потребуется. — Отойдите. Мне нужно на четвертый ярус.

Двое его приспешников тихо рассмеялись. Центральный картинно изогнул бровь.

— Четвертый ярус? Нулевка хочет жить в жилом крыле?
— Он шагнул вперед, вторгаясь в мое личное пространство.
— Ты хоть понимаешь, к кому обращаешься, грязь? В тебе нет ни капли благородной крови. Твоя аура пуста. Тебе здесь не место.

Мои пальцы сжались в кулаки. Я попыталась потянуться к той обжигающей силе внутри, но резерв молчал. Я была абсолютно беззащитна перед их магией.

Оставалось только одно оружие — психология.

Я вскинула подбородок и посмотрела ему прямо в глаза. Тем самым холодным, препарирующим «корпоративным» взглядом. Тем, от которого взрослые, уверенные в себе мужчины, начинали нервно поправлять галстуки.

— Если моя аура так пуста, то почему ты тратишь свое драгоценное время на разговоры со мной? — Мой голос прозвучал тихо, сухо и ядовито. — Самоутверждаешься за счет тех, кто не носит родовых гербов? Какая демонстрация благородства. А теперь, повторяю в последний раз: отойди с дороги.

Лицо парня пошло красными пятнами. Превосходство дало трещину, сменившись открытой злостью. Воздух вокруг его руки начал стремительно уплотняться, нагреваясь.

И тут раздался оглушительный грохот.

Прямо под ноги старшекурснику с верхнего пролета рухнула тяжелая стопка толстых, окованных металлом книг. Они разлетелись по каменному полу с пушечным звуком, ед-

ва не отдавив носки его начищенных сапог.

— Проклятье! — Парень отскочил назад, теряя концентрацию. Жар вокруг его руки рассеялся.

— Ох, Светлейшие, простите! — раздалось сверху.

По лестнице, перепрыгивая через ступеньку, сбежал долговязый, невероятно нелепый парень. Его синий камзол сидел мешковато, рубашка выбилась из-под ремня, галстук сбит набок. На голове торчала жесткая копна медных волос.

Он рухнул на колени прямо между мной и старшекурсниками, судорожно собирая разлетевшиеся фолианты.

— Какого демона ты творишь, Кроу?! — рывкнул скуластый, брезгливо отступая еще на шаг.

— Равновесие потерял, ваше сиятельство! — затараторил медноволосый, не поднимая головы. Его руки — с мозолями от тренировочного оружия и россыпью мелких красноватых шрамов — двигались на удивление ловко. Он собрал книги, неуклюже поднялся и, будто случайно, оказался плечом к плечу со мной, перекрывая траекторию атаки.

Я скосила глаза на своего неожиданного спасителя. Чуть свернутый набок нос — словно его пару раз ломали в уличной драке. Упрямая линия губ.

— Ты всегда появляешься не вовремя, мусор, — процедил старшекурсник. — Идемте. От них обоих разит нищетой.

Троица развернулась и удалилась.

Как только они скрылись, долговязый парень шумно вы-

дохнул. На его лице появилась кривоватая, саркастичная улыбка.

— Не за что. — Он перехватил книги поудобнее. — Дариус Кроу. Боевой факультет, второй курс. И, судя по всему, твой личный ангел-хранитель на сегодня.

— Таисия. — Я внимательно изучала его лицо. Ни капли аристократического снобизма. Только усталая, циничная смекалка выживальщика. — Это было намеренно? С книгами?

Дариус фыркнул:

— Скажем так: гравитация в этой Академии работает исключительно в моих интересах, когда нужно предотвратить убийство на паркете. Ты вообще с ума сошла — грубить Викентию Торну? У него уровень дара такой, что он мог бы испепелить тебя на месте, а Совет Академии признал бы это «несчастливым случаем на тренировке».

— Учту на будущее. — Я позволила себе скупую полуулыбку. — Но я не привыкла отступать перед теми, кто берет нахрапом.

— Плохая привычка для нулевого курса. — Дариус покачал головой. — Особенно для того, кто носит форму цвета половой тряпки. Тебе на четвертый? Пошли. Провожу, пока ты еще кого-нибудь не спровоцировала.

Мы поднимались по винтовой лестнице. Дариус оказался болтливым, заполняя тишину информацией. Он рассказал, что жилое крыло делится по факультетам и статусу, что ну-

левой курс — это клеймо для тех, чья магия еще не определилась или слишком слаба, и что в Академии правит жестокая иерархия силы и родословной.

Я слушала вполуха, анализируя его жесты, манеру держаться, мозоли на руках. Кроу был аутсайдером, так же, как и я, но он знал правила игры. Идеальный временный союзник.

Мы вышли на широкую галерею четвертого яруса. Здесь было тише, на полу лежал толстый ковер, глушащий шаги, а двери комнат были из темного дерева с серебряными номерами.

Именно здесь меня ждало главное испытание этого дня.

Навстречу нам по галерее двигалась процессия. Впереди, словно королева в сопровождении свиты, шла девушка.

Я невольно замедлила шаг. Она была пугающе идеальной. Высокая, с точеной фигурой, затянутой в жесткий корсет платья цвета глубокого бордо. Кожа напоминала фарфор. Волосы цвета белого золота заплетены в сложнейшую конструкцию из кос, скрепленную мерцающими шпильками. Каждый ее шаг был плавным, выверенным.

— Опустит глаза, — резко прошипел Дариус, отступая к стене. — Это Эйлина Вейр. Первая студентка. И без пяти минут невеста нашего ректора.

«*Невеста Гарета?*» — эта мысль царапнула по нервам странной, неуместной искрой раздражения. Я подавила ее.

Я не стала опускать глаза. Остановилась посреди галереи,

выпрямила спину и встретила ее взгляд.

Эйлина остановилась в нескольких шагах от меня. Свита замерла за ее спиной. Светло-золотые глаза скользнули по моему лицу, растрепанным волосам, грубой коричневой форме. В ее взгляде не было открытой злобы. Только абсолютный, ледяной холод и скука человека, разглядывающего неприятное насекомое на своем пути.

— Какое удивительное нарушение эстетики, — голос прозвучал как звон хрусталя. Она не повысила тон ни на полтона. — Я слышала, лорд Морвейн приказал зачислить в Академию некую... аномалию. Я полагала, у нее хотя бы будет подобающий вид.

Она не обращалась ко мне напрямую. Она говорила со свитой, превращая меня в неодушевленный объект. Высший пилотаж психологического подавления.

Я ответила ее же оружием. Никаких оправданий. Только ледяная вежливость.

— Внешний вид — категория поправимая, леди Вейр. — Я чуть склонила голову. — В отличие от манер. Я бы сделала реверанс, но мой график бессмысленных ритуалов на сегодня полностью исчерпан. Позвольте пройти.

В галерее повисла мертвая тишина. Дариус перестал дышать. Свита замерла с приоткрытыми ртами.

Ни один мускул на идеальном лице Эйлины не дрогнул. Но ее светлые глаза сузились, превратившись в две узкие щели. Пространство вокруг нее неумовимо заледенело, темпе-

ратура на галерее упала на десяток градусов, изо рта вырвался полупрозрачный пар.

Она смотрела на меня долгие секунды. Оценивала риски.

Затем уголки ее губ дрогнули в едва заметной, змеиной усмешке.

— Дерзость — оружие слабых, — плавно произнесла она. — Посмотрим, насколько хватит твоей, когда ты поймешь, в какой мир попала.

Она сделала шаг в сторону, освобождая проход. Свита расступилась. Я прошла мимо, глядя строго вперед, физически ощущая ее колючий, ледяной взгляд на своей спине.

— Ты труп, — трагическим шепотом констатировал Дариус, когда мы отошли. — Она не будет кричать или вызывать тебя на дуэль. Она просто сделает так, что ты перестанешь существовать в этой Академии.

— Пусть попытается, — жестко ответила я. Нервы натянуты до предела. — Где эта чертова комната?

Мы остановились перед дверью с номером «412». Дариус кивнул, махнул рукой на прощание и поспешил скрыться в боковом коридоре, явно не желая больше находиться рядом с эпицентром грядущих неприятностей.

Я осталась одна. Усталость навалилась с новой силой, мышцы ныли. Все, чего я хотела — снять этот колючий мешок, упасть на кровать и закрыть глаза.

Я вытащила ключ и потянулась к замочной скважине.

Рука была в сантиметре от ручки, когда я заметила стран-

ное искажение. Поверхность темного дерева вдруг пошла мелкой рябью, словно воздух над горячим асфальтом. Пространство вокруг двери изогнулось.

Ловушка.

Я попыталась отдернуть руку, но было поздно. Защитный механизм среагировал на мое приближение.

Внутри меня, на самом дне иссушенного резерва, сработал инстинкт самосохранения. Антимагия рванулась наружу.

Я не успела закричать.

Мои пальцы коснулись искаженного пространства. Две энергии столкнулись в одной точке.

Вспышка ослепительно белого света поглотила зрение. Ударная волна отшвырнула меня назад. Дверь разлетелась в щепки с оглушительным грохотом. Каменная кладка вокруг косяка взорвалась тучами пыли и шрапнелью.

Меня впечатало спиной в противоположную стену галереи. В ушах зазвенело, легкие болезненно сжались, отказываясь принимать воздух. Сквозь оседавшую пыль я увидела зияющую черную дыру на месте своей комнаты.

Сознание провалилось в темноту.

«Ну вот. Ты снова все сломала, Таисия. Очень продуктивный первый день», — успела подумать я, прежде чем отключиться.

Глава 4. Добрый следователь, злой ректор

В ушах стоял непрерывный, высокий звон. Я попыталась

сделать вдох — горло свело судорогой от каменной пыли. На губах осел едкий привкус пепла и сухого металла.

Сознание возвращалось рывками, сквозь пелену глухой, пульсирующей боли в затылке и лопатках. Я с трудом разлепила веки.

Первым, что я увидела, было облако серой взвеси, танцующее в лучах уцелевших магических светильников. Затем — очертания катастрофы.

Коридора больше не существовало. Там, где была дверь с номером «412», зияла неровная воронка. Каменная кладка вырвана с корнем, тяжелые блоки перекрытий накренились, обнажив внутреннюю структуру стен. Руны, вплетенные в кладку, тускло мерцали, искрились и рассыпались в прах.

Я лежала на спине, впечатанная взрывной волной в противоположную стену. Пальцы мелко, неконтролируемо дрожали.

«Ты только что взорвала свою новую комнату. До заселения. Это новый рекорд», — мелькнула идиотская мысль.

Нужно было встать. Подняться до того, как сюда сбежится вся Академия. Мышцы отказывались подчиняться. Резерв был пуст. Абсолютно, пугающе пуст.

Тень скользнула по моему лицу.

Я резко вскинула голову, сжимая кулаки. Надо мной навис совершенно незнакомый человек.

Он появился без единого звука. Тяжелая, грузная фигура в многослойной мантии глубоких, землисто-охристых оттен-

ков. Широкие рукава полностью скрывали руки. Но самым пугающим было лицо.

Абсолютно лысый череп покрывала сложная сеть бледных, почти белых татуировок, пульсирующих в такт его дыханию. Глаза — блеклые, водянистые, лишенные ресниц — смотрели с леденящим равнодушием. И при этом на его пухлых губах блуждала мягкая, почти отеческая полуулыбка.

— Какая невероятная, первобытная мощь, — шелестящий голос заполз прямо в подкорку.

Он медленно присел на корточки рядом со мной.

— Вы, должно быть, та самая новая адептка. Таисия, верно? — Он чуть склонил голову набок. — Я — магистр Касиан Роук. Преподаватель артефакторики.

Я попыталась отодвинуться вдоль стены — лопатки прострелило болью.

— Не делайте резких движений, дитя, — мягко посоветовал он.

Из широкого рукава выскользнула рука. Пальцы унизывали десятки тяжелых металлических колец с мутными камнями. Он протянул ладонь к моему лицу, не касаясь кожи — но я физически ощутила тяжесть, исходящую от колец, вязкую, как мокрая земля.

— Ваша аура вывернута наизнанку. — В его голосе проскользнуло научное восхищение. — Вы столкнулись с заклинанием третьего порядка и вместо того, чтобы погасить его или отразить, аннигилировали. Вместе с половиной этажа.

Поразительное отсутствие контроля.

— Кто-то повесил на дверь ловушку, — хрипло выдавила я, отталкивая его руку. — Я просто защищалась.

Роук ничуть не обиделся. Пухлые губы растянулись еще шире.

— В Академии нет понятия «просто защищалась». Здесь есть хищники и есть корм. — Он подался ближе. — Ваш дар — это не инструмент, это катастрофа в чистом виде. Без должной огранки он убьет вас. Или вас убьют те, кто боится того, чего не понимает.

Он замолчал.

— К счастью, — вкрадчиво продолжил Роук, — я специализируюсь на нестандартных энергиях. Я мог бы взять вас под свое крыло. Индивидуальные уроки. Тайные тренировки. Я научу вас скрывать эту силу, направлять ее так, чтобы никто — даже наш глубокоуважаемый ректор — не смог вас контролировать. Вам ведь не нравится быть пешкой в чужих руках, Таисия?

Он читал мои страхи как открытую книгу. Зависимость от Гарета. Беззащитность перед интригами. Собственная неуправляемая сила. Роук предлагал выход. Предлагал тайное покровительство.

Но мой внутренний сканер, натренированный на корпоративных акулах, зашкаливал от тревоги. В его рыбьих глазах я видела только голод исследователя, готового пустить подопытную крысу на препараты.

— Спасибо за предложение, магистр. — Я оперлась о пол и, стиснув зубы, заставила себя подняться. — Но я не нуждаюсь в тайных покровителях.

Роук медленно поднялся следом. Улыбка не угасла, но в глазах мелькнула холодная искра.

— Боюсь, вы не осознаете всей тяжести своего положения. Отвергать помощь союзников, когда вы окружены врагами — это путь к очень быстрой...

Он не договорил.

Температура в разрушенном коридоре рухнула вниз. словно кто-то одним ударом распахнул двери в арктическую ночь. На стенах начал стремительно нарастать иней.

Пространство за спиной Роука исказилось, пошло рябью.

Кассиан мгновенно замолчал, его руки скрылись в широких рукавах. Он плавно отступил в сторону.

Из пространственного разлома шагнул Гарет Морвейн.

Если при первой встрече ректор был просто опасен, то сейчас он являл собой воплощение чистой, контролируемой ярости. Черный сюртук расстегнут, на висках блестели капли пота — он сорвался с места и пробил пространство на пределе скорости. Грозные глаза были черными, как бездна. Шрам на его шее выделялся болезненной белизной на фоне искаженного гневом лица.

Аура Гарета обрушилась на галерею свинцовым прессом. Каменная крошка под его сапогами захрустела.

Он даже не взглянул на разрушенные стены. Его взгляд

сфокусировался на мне — сканирующий, жестокий, оценивающий ущерб. Он увидел разорванную блузу, ссадины на руках, мою дрожь.

— Магистр Роук, — голос ректора прозвучал негромко. — Я не вызывал вас в жилое крыло.

Кассиан изобразил полупоклон.

— Лорд Морвейн. Я услышал взрыв и поспешил на помощь. Наша новая адептка немного не рассчитала силы. Я лишь оценивал масштабы повреждений и предлагал помощь в стабилизации ее ауры. Девочка совершенно не умеет справляться со своим даром. Ей нужен наставник, который понимает тонкости артефакторных резонансов.

Гарет сделал шаг вперед. Он встал ровно между мной и Кассианом, отрезая артефактора от меня непроницаемой стеной своего тела. Воздух между ними заискрился от напряжения.

— Эта адептка, — каждое слово падало, как стальной капкан, — моя личная ответственность. Ее дар, ее нестабильность и ее обучение — исключительно в моей компетенции. Никаких тайных уроков, Кассиан. Если я еще раз увижу вас рядом с ней без моего приказа, я лишу вас доступа в лаборатории. Вы меня поняли?

Улыбка сошла с лица Роука. Блеклые глаза сузились. Он больше не казался добродушным дядюшкой — передо мной стоял опасный хищник, столкнувшийся с хищником более высокого порядка.

— Как вам будет угодно, ректор. — Кассиан отступил. — Но позволю себе заметить: держать хаос на коротком поводке — опасная затея. Рано или поздно он оторвет вам руку.

Роук бросил на меня последний взгляд и бесшумно скрылся в тених.

Гарет стоял неподвижно еще несколько секунд. Его дыхание было тяжелым. Затем он медленно развернулся ко мне.

Я вжалась спиной в холодный камень. После вкрадчивого Роука присутствие Гарета ощущалось как стояние на краю обрыва во время урагана. Страшно. И от этого невозможно оторвать глаз.

Он подошел вплотную. Возвышался надо мной, подавляя ростом и тяжелым взглядом.

— Прошло меньше часа. — Голос низкий, рокочущий, вибрирующий от гнева. — Меньше часа с момента, как я выпустил вас из карцера. И вы разнесли половину яруса.

— На двери была ловушка. — Мой голос дрогнул, но я не отвела глаз. — Я не нападала первой. Моя сила среагировала на угрозу.

— Ваша сила реагирует на всё!

Он резко вскинул руку. Я ожидала удара и зажмурилась. Но удара не последовало.

Вместо этого его пальцы жестко обхватили мой подбородок, заставляя поднять лицо. Большой палец мазнул по моей скуле, стирая каменную пыль. Прикосновение было грубым, собственническим — но в нем скрывалась пугающая

точность.

Я распахнула глаза, сталкиваясь с его потемневшим взглядом. Мы были так близко, что я видела каждую серебряную нить в его темных волосах.

— Вы — ходячий детонатор, Таисия. — Он не убирал руку. — Ваша антимагия инстинктивна. Она защищает вас. Но она выжигает всё вокруг. Если бы взрыв пошел по другому вектору, от вас бы остался только пепел.

— Отпустите.

— Нет. — Он сжал пальцы. — Больше никаких поблажек. Никаких случайных контактов с Роуком или недоносками вроде Торна. Вы не умеете контролировать себя.

Он резко отпустил мое лицо. Я едва не покачнулась.

— Завтра утром интендант выделит вам новую комнату в секторе повышенной защиты. А сегодня вечером... — Он сделал паузу. — Сегодня вечером вы явитесь в мой личный тренировочный зал на нижнем уровне.

— Зачем? — Голос сорвался на шепот.

Гарет скривил губы в жесткой усмешке.

— Раз вы не умеете контролировать свою силу, адептка Авеннел, я буду выбивать ее из вас лично. И клянусь, вы возненавидите эти тренировки. В восемь ноль-ноль. Не вздумайте опоздать.

Он круто развернулся и шагнул в пустоту разрушенного коридора. Пространство исказилось, скрывая его.

Я осталась одна среди каменных руин. Сердце билось так

сильно, что причиняло физическую боль. На скуле всё еще горел след от его пальцев.

«Ты вляпалась, Таусия. Роук хочет тебя препарировать. Торн — убить. А ректор...»

Я прижала ладонь к горячей скуле.

«Ректор хочет тебя контролировать. И почему-то это пугает меньше всего остального».

Глава 5. Личные границы

К восьми часам вечера мое тело представляло собой один сплошной, пульсирующий сгусток нервного напряжения. После взрыва меня временно поместили в изолятор медицинского крыла — спартанскую комнату без окон, где пожилая целительница молча обработала мои ссадины вяжущими мазями.

Мне выдали новый форменный комплект. Такую же ключую коричневую дерюгу.

Я потратила час на то, чтобы перекроить этот кошмар. Украденным скальпелем и обрывками нитей я безжалостно обрезала тяжелую юбку по колено, распорол боковые швы и наспех сшила подобие широких кюлотов. Выглядело варварски — швы топорщились, грубая ткань царапала кожу. Но теперь я могла нормально передвигаться.

Глухой воротник блузы я просто оторвала, оставив V-образный вырез. Рукава туго закатала выше локтей. Волосы стянула в неаккуратный узел на затылке.

Мое отражение в мутном металлическом листе выглядело пугающе. Бледное лицо, резкие тени под глазами, плотно сжатые губы. Не испуганная первокурсница. Загнанный в угол зверь, готовящийся к драке.

«Идеально. Именно так выглядят люди, которые вот-вот пойдут на личную встречу с ректором, чтобы он "выбил из них магию". Ты в своем репертуаре, Таусия», — подумала я.

Ровно в без пяти восемь я стояла перед тяжелыми дверями на самом нижнем уровне. Здесь не было ни студентов, ни преподавателей. Только голый камень, давящая тишина и вибрация глубоких магических потоков.

Двери распахнулись сами, стоило мне приблизиться.

Тренировочный зал ректора оказался огромным. Пространство терялось во мраке, освещенное лишь несколькими мощными кристаллами по периметру ринга. Стены сплошь покрыты поглощающими рунами — здесь можно было устраивать локальные катаклизмы без риска обрушить потолок.

Гарет уже был там.

Он стоял в центре зала, спиной ко мне. Без сюртука и без рубашки.

Я невольно замерла. В тусклом свете нижнего освещения его спина представляла собой пугающее зрелище. Широкие плечи, мощный рельеф мышц. Но главное — шрамы. Ужающий ожог на шее уходил вниз, пересекая лопатки лома-

ными, побелевшими линиями, похожими на следы от ударов молний.

«Он выжил после того, что должно было сжечь человека заживо», — отметил мой внутренний аналитик. И голос дрогнул. Впервые за этот день.

Он резко развернулся.

— Вы перешили форму.

Его глаза скользнули по моим варварским кюлотам, обнаженным коленям, оторванному воротнику. Взгляд был тяжелым, физически ощутимым. На долю секунды его зрачки расширились, челюсть напряглась — но он мгновенно взял себя в руки.

— Мне нужна мобильность. — Я сделала шаг в круг света.

— В стандартной юбке я не смогу уклониться даже от камня.

Он не ответил. Молча взял со скамьи тонкую черную майку, натянул ее, скрывая шрамы. Сегодня он намеревался работать голыми руками.

— В центр.

Я прошла на середину зала. Остановилась в трех метрах от него. Воздух был сухим и холодным, но меня уже била дрожь.

— Ваша магия, — начал Гарет, обходя меня по кругу. Бесшумные шаги хищника. — Это не стихия. Это чистый антипод энергии. До сих пор это происходило инстинктивно, как рефлекс. Ваша задача на сегодня — вызвать этот хаос по собственной воле. Вызывайте.

— Я не знаю как! — Я вскинула голову. — Там, в коридоре, всё произошло само. Был страх, адреналин...

— Значит, мне придется обеспечить вам и то, и другое.

Воздух, между нами, мгновенно уплотнился. Гарет вскинул руку, и меня сбilo с ног невидимой волной кинетической энергии. Я рухнула на жесткий пол, больно отбив плечо.

— Поднимайтесь.

Я стиснула зубы, перекатилась и вскочила.

— Защищайтесь.

Вторая волна ударила в грудь. На этот раз я попыталась устоять, выставив руки, но удар был такой силы, что меня отшвырнуло назад. Колени подогнулись, я снова оказалась на полу, жадно хватая ртом воздух.

— Где ваша антимагия? — Гарет медленно шел ко мне.

— Вы боитесь, но недостаточно. Тяните из себя ярость.

Я уперлась ладонями в пол, чувствуя, как под ногти забивается каменная крошка. Ярость? Он хочет ярости?

Я подняла на него взгляд, полный злости.

— Да пошел ты...

Я поднялась на ноги. Внутри, в районе солнечного сплетения, заворочался тот самый темный клубок хаоса. Он отреагировал не на страх. Он отреагировал на мою ненависть к собственному бессилию.

— Лучше. — Гарет прищурился. — А теперь — ударьте меня.

Он раскинул руки, открывая грудь. Провокация.

Я не стала раздумывать. Жар внутри вспыхнул, рванулся по венам, концентрируясь на кончиках пальцев. Я вскинула руки и выбросила энергию вперед.

Серый искаженный свет разорвал полумрак.

Но Гарет не отлетел. В ту же секунду он выбросил вперед ладони. Его магия Пространства — ледяная, структурированная — столкнулась с моим хаосом ровно посередине.

Пространство содрогнулось. Воздух лопнул.

Наши энергии сцепились в мертвой хватке. Это было похоже на перетягивание каната над жерлом вулкана. Моя магия билась, извиваясь, пытаюсь расщепить его барьер. Его сила давила на меня ледяным прессом.

Мои мышцы задеревенели. Дыхание сбилось.

Гарет начал наступать. Шаг за шагом он продавливал мою защиту. Его лицо было искажено от напряжения, на лбу выступила испарина, но в глазах читалось хищное торжество. Он побеждал.

— Вы слабы, Авеннел. — Его голос прорвался сквозь гул.
— Вы полагаетесь на инстинкты, а не на волю.

— Заткнись!

Он оказался вплотную. Его ледяной барьер сомкнулся вокруг меня, сдавливая хаос, загоняя обратно внутрь. А затем он шагнул в мое личное пространство, физически прорывая остатки моей ауры.

Он перехватил мои дрожащие запястья своими горячими ладонями. Кожа к коже.

Он рванул меня на себя. Мы столкнулись. Моя грудь ударилась о его твердый, как камень, торс. Хватка была стальной.

Зал потонул в абсолютной тишине.

Я тяжело дышала, глядя на его грудь, затянутую в черную ткань. Пульс колотился в горле. Я чувствовала жар, исходящий от него, чувствовала напряжение каждого мускула.

Я медленно подняла голову.

Гарет смотрел на меня. В его глазах не было льда. Там полыхал темный, неконтролируемый огонь. Взгляд скользнул по моим растрепанным волосам, по расширенным зрачкам, по пульсирующей жилке на шее — и остановился на губах.

В нем не было холодного ректора. Только мужчина, который стремительно терял контроль.

Его пальцы на моих запястьях дрогнули. Хватка из болезненной стала... собственнической. Горячей. Большой палец медленно погладил пульсирующую вену на моей руке.

Мое дыхание перехватило. Я должна была отстраниться. Но тело предательски замерло.

Тишину разорвал резкий, болезненный треск.

Наши энергии, считавшиеся погашенными, внезапно вошли в резонанс. Мой хаос и его порядок, соединенные через прикосновение, сплелись в тугую жгут.

Ослепительная вспышка белого света озарила зал.

Кожу на моих запястьях обожгло такой болью, что я вскрикнула. Гарет глухо зарычал, отпуская мои руки и от-

шатываясь.

Я рухнула на колени, прижимая обожженные руки к груди. Боль отступала, оставляя сильное покалывание.

Я опустила взгляд на запястья.

Там, где секунду назад были пальцы Гарета, поверх старого шрама проступил новый след. Сложная, тонкая вязь рун — неровных, искаженных, мерцающих тусклым серебристым светом. Метка вплавилась в кожу.

Я вскинула голову.

Гарет стоял в нескольких шагах, опираясь рукой о стену. Его лицо побледнело, челюсть сжата до белых суставов. Он смотрел на свои руки.

На его предплечьях горела точно такая же пульсирующая вязь.

«Отлично, Таусия. Ты только что заключила контракт с ректором на уровне крови. Ты умеешь производить впечатление», — мелькнула истеричная мысль.

Я почему-то улыбнулась. Сквозь боль. Сквозь страх.

И в этой улыбке было что-то, чего я не могла объяснить.

Глава 6. Иллюзия контроля

Свет угасал медленно, неохотно, словно впитываясь в холодный камень стен. В тренировочном зале повисла звенящая, вакуумная тишина. Я слышала только собственное сбиваемое дыхание и тяжелые удары сердца.

Я стояла на коленях, прижимая руки к груди. Боль отсту-

пала, оставляя пульсирующее тепло на левом запястье. Прямо поверх старого шрама теперь мерцала сложная вязь рун. Серебристо-пепельные линии впились в кожу, образуя замкнутый контур. От него исходила чужая, пугающе мощная энергия.

Я вскинула голову.

Гарет стоял в трех шагах. Широкие плечи тяжело вздымались, мышцы спины напряжены до предела. Он смотрел на свои обнаженные предплечья. На его темной, покрытой шрамами коже горела точно такая же вязь — только ярче и жестче.

Его лицо превратилось в каменную маску. Но глаза... Грозовые, обычно холодные и расчетливые, сейчас потемнели до абсолютной бездны.

А потом я *почувствовала* его.

Не как стоящего рядом человека. Я ощутила чужую эмоцию, скользнувшую прямо под мою кожу. Острый спазм ярости. Глухое чувство потери контроля. И под всем этим, на самом дне — темное, тяжелое мужское влечение, которое он сейчас безжалостно давил своей волей.

Это были не мои эмоции.

Мой хаос, до этого бившийся в истерике, странно успокоился, найдя якорь в его структурированной магии.

— Что это? — Мой голос прозвучал как шелест сухих листьев. Я попыталась подняться, но колени дрожали.

Гарет резко поднял голову. Взгляд ударил по мне с физи-

ческой силой. В одно мгновение он оказался рядом, опускаясь на одно колено. Жестко перехватил мое левое запястье.

Его пальцы обжигали. Серебристые руны на моей руке вспыхнули ярче, откликаясь на прикосновение.

— Резонансная привязка. — Голос низкий, вибрирующий от ярости на самого себя. — Ваш хаос не смог пробить мою структуру. Моя структура не смогла подавить ваш хаос. В момент прямого контакта энергии нашли единственный способ не уничтожить нас. Они слились.

Я смотрела на его жестко очерченные губы. Близость сбивала с мыслей. Я видела каждую каплю пота на его ключицах, тяжело бьющуюся жилку на шее.

— И как нам это разорвать?

Его пальцы сжались сильнее. Я снова уловила отголосок его состояния: острый укол собственнического протеста, который он тут же заглушил ледяным холодом.

— Никак. — Одно слово, прозвучавшее как приговор. — Резонанс такого порядка нельзя разрушить, не убив одного из носителей.

Я перестала дышать.

— Значит, мы застряли. — Я старалась, чтобы голос звучал ровно. — Вы привязаны к «аномалии». Поздравляю с повышением, лорд Морвейн.

В его глазах блеснула опасная искра. Он поднес мою руку чуть выше.

— Если Орден узнает, что моя магия Пространства ском-

прометирована связью с неконтролируемым хаосом, меня отстранят. А вас отправят на препараторский стол. — Он говорил быстро, чеканя слова. — Никто не должен видеть эти руны.

Он поднял свободную руку. Воздух над его ладонью искажился. Он провел пальцами над моим запястьем, не касаясь кожи.

Руны исчезли. Под иллюзией остался лишь старый шрам. Следом он стер метки со своей кожи.

— Иллюзия сокрытия, — пояснил он, резко поднимаясь и отступая. — Никто не должен знать.

Я медленно поднялась. Колени еще дрожали, но я держала спину прямо.

— Я не собираюсь кричать об этом на каждом углу. В моих интересах выжить.

— В ваших интересах не попадаться мне на глаза без крайней необходимости. — Он отвернулся к выходу. — Ваша новая комната в секторе повышенной безопасности уже готова. Завтра у вас начинаются занятия. Идите.

Он выгонял меня. Резко, грубо, обрубая концы.

Но я чувствовала сквозь иллюзию, как сильно бьется его пульс. Он хотел убрать меня из зала не потому, что презирал. Потому что нахождение рядом со мной разрушало его самоконтроль.

«Интересно, сколько еще он сможет притворяться, что я ему безразлична», — подумала я.

И почему-то эта мысль не вызвала страха.

Утро началось с резкого звона магического кристалла над кроватью.

Новая комната в секторе повышенной безопасности разительно отличалась от разрушенной спальни. Только гладкий светлый камень, глухое окно под потолком и тяжелая дверь с тремя уровнями защиты. Идеальный карцер.

Я села и машинально коснулась левого запястья. Кожа чистая. Но под пальцами я ощущала плотную, тугую вибрацию. Невидимая метка отзывалась теплом.

Я прикрыла глаза. Концентрируюсь на этом ощущении.

Там, на другом конце невидимой цепи, Гарет чувствовался отчетливо. Его утро не задалось. Связь транслировала ровный фон абсолютной сосредоточенности, поверх которого шли острые вспышки раздражения. Он с кем-то спорил. Я не слышала мыслей, но кинестетика эмоций передавалась безукоризненно.

«Отличный способ начать день — чувствовать чужое раздражение на расстоянии. Наверное, я должна быть благодарна, что он не злится на меня», — подумала я.

Я тряхнула головой, отсекая это наваждение.

Через полчаса я стояла перед зеркалом. Перешитая форма выглядела вызывающе: укороченные кюлоты, грубые швы, оторванный воротник, открывающий ключицы. Воло-

сы стянуты в высокий хвост.

«Иди и производи впечатление на местных аристократов. Они будут в восторге», — усмехнулась я своему отражению.

Путь до Южного крыла занял двадцать минут. Адепты замолкали, когда я проходила мимо. В их глазах читалось презрение, смешанное с настороженностью. Девушки в изящных платьях кривили губы, парни демонстративно уступали дорогу.

Я держала спину прямо. Лицо непроницаемо.

Полигон Южного крыла — гигантский амфитеатр. Каменные скамьи спускались к овальной арене, засыпанной красноватым песком. Воздух здесь был жарким, тяжелым, пропитанным остаточной энергией сотен заклинаний.

Когда я вошла, на скамьях уже сидело около сорока первокурсников.

Я не стала подниматься высоко. Села во втором ряду, с краю, скрестив руки на груди.

В этот момент на арену вышел преподаватель. Жилистый, сухой, как натянутый арбалет. Перебитый нос, тонкий шрам, рассекающий левую бровь, и тяжелый, колючий взгляд темных глаз. Без мантии — только кожаная куртка без рукавов, обнажающая узловатые руки, покрытые татуировками.

— Магистр Вейн, — прошептал знакомый голос сверху.

Я не обернулась. Дариус Кроу опустился на ряд выше и левее.

— Вейн ведет боевую теорию у всех курсов. — Его шепот был едва слышен. — Бывший полевой командир Ордена. Ненавидит аристократов, но еще больше ненавидит слабаков. Будь осторожна, он любит использовать нулевой курс как манекены.

Вейн остановился в центре арены.

— Боевая теория — это не про то, как красиво махнуть палочкой. — Его хриплое рычание заставило амфитеатр замолчать. — Это про то, как выжить, когда резерв пуст, а противник стоит перед тобой с клинком.

Он резко вскинул голову.

— Адепт Торн.

Викентий Торн лениво поднялся, картинно поправил манжеты.

— Спуститесь на арену. Покажите этим тепличным первокурсникам, как выглядит реальная угроза.

Торн спустился. Его аура начала пульсировать, воздух вокруг рук нагрелся.

Вейн перевел взгляд на трибуны. Его глаза остановились на мне. На варварски обрезанной форме. На нулевом цвете сукна.

— А для наглядности нам нужна цель, не обремененная защитными артефактами. — Вейн скривился в жесткой улыбке. — Вы. Новенькая. Адептка Авеннел, кажется? Спуститесь.

Дариус судорожно втянул воздух.

— Он спятил. Торн убьет тебя.

— Спуститесь на арену, Авеннел!

Я медленно встала. Страх не было. Внутри уже начинал раскручиваться горячий клубок антимагии.

«Ну что ж, Торн. Устроим тебе шоу», — подумала я и шагнула на красный песок.

Глава 7. Прагматика выживания

Красный песок арены скрипел под подошвами моих ботинок. Воздух здесь, на дне амфитеатра, казался густым, плотным, вибрирующим от остаточных магических разрядов. Я остановилась в десяти шагах от Торна, чувствуя, как адреналин холодной волной смывает остатки утренней усталости.

Викентий Торн небрежно стряхнул невидимую пылинку с рукава. Его губы кривились в ленивой усмешке. Для него это была публичная казнь выскочки.

— Задача Торна — обездвижить противника, — глухо произнес магистр Вейн, отходя к краю арены. — Задача Авеннел — продержаться три минуты. Без артефактов. Без оружия. Начали.

Торн вскинул руку. С его пальцев сорвался плотный сгусток жара, летящий прямо мне в грудь.

Он ожидал, что я замру от ужаса.

Я ушла влево, падая на колено. Сгусток пролетел в миллиметре от плеча, обжигая воздух, и с грохотом врезался в защитный барьер арены. Я перекатилась по песку, вскочила

на ноги.

Кюлоты оказались идеальным решением — ничто не сковывало движений.

Трибуны охнули. Самодовольная усмешка стерлась с лица Торна.

— Бегаешь, грязь? — процедил он, сужая глаза. Воздух вокруг него уплотнился, нагреваясь до предела.

Второй удар был шире — дуга ревающего пламени, отрезающая путь к отступлению.

Мой пульс забил в висках. Антимагия внутри пульсировала, требуя выхода, но я жестко давила ее. Если я выпущу хаос сейчас, на глазах у всего курса и Вейна, я подпишу себе смертный приговор. Гарета нет, чтобы прикрыть этот выброс.

Я рванулась вперед, прямо в стену огня, и в последнее мгновение упала на песок, проскользив под самой нижней кромкой пламени. Жар облизал спину, ткань формы затрепала, но я уже была на ногах.

— Стоять! — Торн отступил на шаг, лицо исказила злоба.

Он свел руки вместе. Пространство между ладонями сжалось, и из эпицентра вырвался длинный, пульсирующий хлыст из белого огня.

Это уже не было тренировочным заклинанием. Это было орудие убийства.

Хлыст рассек воздух с оглушительным щелчком, ударив по песку в сантиметре от моей ноги. Глубокая оплавленная

борозда.

— Тридцать секунд, Авеннел! — голос Вейна пробился сквозь гул пламени. Магистр не пытался остановить бой. Он наблюдал.

Я отступала, уворачиваясь от ударов. Дыхание сбилось, в горле пересохло. Очередной удар чиркнул по левому предплечью. Ткань обуглилась, на коже вспыхнула боль. Я стиснула зубы, подавив стон.

Он загонял меня в угол. К защитному барьеру.

— Потанцуй еще, нулевка. — Торн тяжело дышал. Он поднял руку для финального замаха. Бежать некуда. Спина уперлась в невидимую стену.

И в этот момент левое запястье взорвалось ледяным огнем.

Метка резонанса сработала.

Я не видела Гарета. Не знала, где он. Но связь передала мне не просто эмоцию. Она передала импульс. Холодный, выверенный порядок его магии Пространства влился в мой хаотичный резерв, структурируя его, превращая неконтролируемый взрыв в направленное оружие.

Время замедлилось.

Я видела, как огненный хлыст летит мне в лицо. Видела перекошенное злобой лицо Торна.

Моя правая рука метнулась вперед сама собой.

Пальцы сомкнулись на огненном хлысте.

Амфитеатр погрузился в мертвую тишину.

Огонь не обжег ладонь. Моя антимагия, усиленная кар-
касом Гарета, сработала как идеальный поглотитель. Пламя
почернело, покрылось трещинами и с сухим хрустом осыпа-
лось серой пылью.

Я стояла, сжимая в руке пустоту. Тяжело дыша.

Торн замер, вытянув руку. Краска схлынула с его лица.
Его магия была уничтожена голыми руками девчонки без
благородной крови.

Отдача ударила через секунду. Торн схватился за грудь и
рухнул на колени.

— Достаточно! — Вейн оказался рядом, грубо вздергивая
старшекурсника на ноги. — Магическое истощение. В меди-
цинское крыло, живо.

Он повернулся ко мне. В его колючих глазах плескался
острый интерес.

— Вы свободны, Авеннел. Ваша прагматика впечатляет.
Но в следующий раз я буду смотреть внимательнее. Занятие
окончено!

Я не стала ждать. Развернулась и быстрым шагом напра-
вилась к выходу в прохладные коридоры. Спина мокрая от
пота, обожженное предплечье пульсирует болью, ноги нали-
ты свинцом.

*«Ты только что уничтожила магию Торна на глазах у
всей Академии. Отличный способ завести врагов, Таусия.
Как будто их у тебя было мало», —* подумала я.

Я свернула в пустую галерею и прислонилась спиной к хо-

лодной каменной стене. Прикрыла глаза, глубоко втягивая воздух.

— Впечатляющее шоу.

Голос прозвучал тихо, как звон разбивающегося льда.

Я резко открыла глаза.

В нескольких шагах стояла Эйлина Вейр. Без свиты. Одна.

В полумраке коридора ее фарфоровая красота казалась почти потусторонней. Темно-синий бархат платья, волосы цвета белого золота. Она выглядела безупречно.

Температура в галерее стремительно падала.

— Не знала, что аристократы спускаются в боковые коридоры без сопровождения. — Я выпрямилась. — Заблудились, леди Вейр?

Она сделала плавный шаг вперед. Взгляд скользнул по моему лицу, по рваной форме, остановился на левом запястье. Иллюзия Гарета держалась крепко — там был виден только старый шрам.

— Я пришла посмотреть на дефект, который привлек внимание лорда Морвейна. — Голос ровный, без открытой агрессии. — Слухи по Академии расходятся быстро. Говорят, ректор лично запер вас в карцере. А на следующее утро вы получаете индивидуальную комнату в защищенном секторе. Говорят, вчера вечером вас видели входящей в его личный тренировочный зал.

Мое сердце пропустило удар.

— Вы следите за моим расписанием? Я польщена.

— Я слежу за чистотой этого места. — Она подошла еще ближе. В ее глазах не было ревности. Только холодный, собственнический расчет. — Ты думаешь, что твоя аномалия делает тебя особенной. Какая наивность.

Она склонила голову набок.

— Ты видела шрам на его шее? — тихо спросила она. — Этот ожог — след от магии Пространства, вышедшей из-под контроля. Гарет не может позволить себе эмоции. Он не может позволить себе привязанность. Во время войны была одна женщина, которая решила, что может стать для него исключением. Она попыталась стать его якорем.

Пауза.

— Когда его резерв детонировал, от нее не осталось даже пепла. Именно этот взрыв изуродовал его. Гарет Морвейн не спасает тебя, Авеннел. Он препарирует тебя. Он изучает твой хаос, чтобы понять, как окончательно его уничтожить. И как только ты перестанешь быть ему полезна... ты исчезнешь. Точно так же, как заклинание Торна на арене.

Она развернулась и бесшумно пошла прочь.

Ее слова были ядом. Я знала, что она манипулирует. Знала, что ее цель — устранить конкурентку. Но перед глазами стоял напряженный Гарет в тренировочном зале, его жесткие пальцы на моих руках и то темное влечение, которое он так отчаянно пытался подавить.

«Препарирует. Изучает. Уничтожит», — эхом отдавались ее слова.

Я прислонилась затылком к камню.

И в этот момент метка на моем запястье вспыхнула. Но это был не импульс помощи. Это была чистая, парализующая боль. Боль такой силы, что я рухнула на колени, стиснув зубы, чтобы не закричать.

Это была не моя боль. Это была агония Гарета, прорвавшаяся через резонансную цепь.

«Что происходит?» — мелькнула паническая мысль.

Метка горела, и я не могла ее заглушить. Он страдал. Где-то там, в другой части Академии, Гарет Морвейн испытывал такую муку, что она пробивалась сквозь нашу связь.

И я поняла, что не могу просто сидеть здесь.

«Ты с ума сошла, Таусия. Он — твой враг. Он — причина твоих проблем», — шептал внутренний голос.

Но ноги уже несли меня вверх по лестнице, туда, откуда исходил сигнал боли.

Глава 8. Разделенная боль

Боль обрушилась ледяным монолитом, раздавив волю и перехватив дыхание.

Я рухнула на каменный пол галереи, свернувшись в клубок. Пальцы судорожно вцепились в левое запястье. Серебристые руны под иллюзией не просто горели — они пульсировали с такой частотой, словно в мои вены заливали жидкий азот вперемешку с битым стеклом.

Из горла вырвался хриплый стон.

Это была не моя боль. Мое тело было целым. Эта агония имела иную природу. Чужую, глубокую, разрывающую сознание.

Гарет.

Его эмоции били через резонансную цепь слепящими вспышками. Если в тренировочном зале я чувствовала его раздражение и подавленное влечение как фоновый шум, то сейчас связь транслировала катастрофу.

Эйлина Вейр исчезла в сумраке, оставив меня наедине с этим эхом. Ее ядовитые слова растворились в пульсирующем грохоте моей собственной крови.

«Оставайся на месте. Не лезь. Если его магия выйдет из-под контроля, тебя уничтожит вместе с ним», — шептал прагматик.

Но метка на запястье работала как компас. И этот компас неумолимо тянул меня вперед.

Я заставила себя разжать онемевшие пальцы. Оперлась ладонями о холодный камень и рывком поднялась на ноги. Мир качнулся, стены смазались в серое пятно.

Стиснув зубы до скрежета, я бросилась бежать.

Я не знала, где покои ректора. Мне это было и не нужно. Я бежала на чистом инстинкте, следуя за ледяным натяжением связи, пульсирующим в левой руке.

Ступени винтовых лестниц мелькали под подошвами. Третий ярус. Четвертый. Переход в закрытую башню Северного крыла.

Чем выше я поднималась, тем разительнее менялась обстановка. Золотистый свет магических сфер тускнел, начиная нервно мигать. Воздух становился тяжелым, плотным, его приходилось проталкивать в легкие с усилием. Волоски на моих руках встали дыбом, по коже бегали невидимые искры.

Коридор Северной башни был пуст. Ни студентов, ни преподавателей. В самом конце, перед массивными дверями из черного дерева, пространство буквально сходило с ума.

Воздух там не просто дрожал — он ломался геометрическими искажениями, словно кто-то перекручивал реальность через гигантскую линзу. На стенах стремительно нарастал иней.

Я замедлила шаг. Пульс бился в горле.

Защитные контуры ректорских покоев были активированы на максимум. Но они не сдерживали внешнюю угрозу. Они пытались удержать то, что находилось внутри.

Очередной приступ боли через метку заставил меня споткнуться. Острая вспышка в районе грудной клетки — его сердце не справлялось с нагрузкой.

Я подошла к искаженному пространству. Дверь скрывалась за плотным барьером из вибрирующего воздуха.

«Ну же. Если ты хаос, так жри это», — подумала я.

Я выставила руки и вдавила ладони в невидимую стену.

Антимагия рванулась наружу мощным, темным потоком. Барьер зашипел, покрываясь сетью белых трещин. Я проеда-

ла узкую брешь, вкладывая в это всё оставшееся тепло.

Раздался треск. Я навалилась вперед, проскальзывая в дыру за секунду до того, как искаженное пространство сомкнулось за моей спиной. Тяжелые створки двери поддались от удара плеча.

Я ввалилась в кабинет Гарета.

И замерла.

Огромное помещение с высоким сводчатым потолком и панорамным окном. Сейчас этот кабинет напоминал эпицентр гравитационной катастрофы.

Массивный дубовый стол расколот надвое. Книги, свитки, обломки мебели — всё это медленно вращалось в воздухе под потолком. Пространство ломалось, искривлялось так, что от одного взгляда тошнило.

В самом центре этого хаоса стоял Гарет Морвейн на коленях.

Его сюртук был отброшен. Темно-серая рубашка расстегнута на груди, ткань на спине потемнела от пота. Он держался обеими руками за виски, запрокинув голову назад.

Лицо исказила маска чистого напряжения. Глаза широко распахнуты, но зрачков не видно — радужку полностью затопило серебристо-грозовое свечение. Вены на висках вздулись, став почти черными.

Но самое страшное — его шрам. Старый ожог на шее пульсировал изнутри ядовито-белым светом. Энергия, разрушившая его однажды, теперь пыталась разорвать его сно-

ва.

— Гарет!

Мой голос потонул в гуле ломающегося пространства.

Я сделала шаг. Невидимое давление обрушилось на плечи. Дышать стало невыносимо.

«Ты должна уйти», — крикнул внутренний голос. «Слова Эйлины правда: от нее не осталось даже непла».

Но метка на запястье горела, требуя контакта. Требуя вернуть равновесие.

Я сделала еще шаг.

— Морвейн! — Я продиралась сквозь плотный воздух.

Он не слышал.

Оставалось три шага. Два.

Я рухнула на колени прямо перед ним и выбросила руки вперед. Ладони жестко легли на его плечи.

Контакт.

Взрыв произошел внутри меня. Его магия Пространства ударила по нервам высоковольтным разрядом. Меня выгнуло дугой, из легких выбило воздух.

Но я не отдернула руки. Я вцепилась в него и открыла шлюзы антимагии на полную мощность.

Я втягивала в себя его избыточную энергию, пропуская через свои вены и гася ее своей пустотой. Это было больно. Невыносимо больно. Кожа горела, пульс в висках отбивал предсмертный ритм.

Но гравитационные воронки начали затухать. Предметы с

грохотом посыпались на пол.

Серебристое свечение шрама на его шее тускло. Вены на висках сдулись.

Его глаза закрылись. Из груди вырвался долгий, хриплый выдох. Напряжение лопнуло.

Он обрушился на меня всем своим весом.

Я инстинктивно подалась навстречу, перехватывая его руками за спину. Мои пальцы скользнули по влажной ткани рубашки, ловя жесткий рельеф мышц.

Мы замерли на коленях, сцепившись. Это не было объяснением — это была мертвая хватка выживших.

Гарет уткнулся лбом мне в ключицу. Его дыхание было сорванным, обжигающим. Широкие плечи мелко вздрагивали. Он был тяжелым. Его вес придавливал меня к полу, но я не пыталась отстраниться.

«Ты только что спасла человека, который хотел тебя уничтожить. Ты ненормальная, Таусия», — пронеслось в голове.

Но я не убрала руки.

Прошла вечность, прежде чем он пошевелился.

Он не стал резко отстраняться. Поднял голову. Медленно.

Пространство между нашими лицами сократилось до миллиметров.

Я видела его глаза. Грозовые, потемневшие, лишенные безумия. Но полные чего-то гораздо более опасного. В них не было льда. Только обнаженная, темная потребность.

Одна из его рук поднялась. Горячие пальцы легли мне на талию, проскальзывая под край блузы. Кожа к коже. Его большой палец мазнул по моим ребрам.

У меня перехватило дыхание.

Он смотрел на мои губы. Взгляд был физически осязаемым — тяжелым, голодным. Мужчина, которого минуту назад разрывала на части его собственная сила, сейчас концентрировал всю жажду жизни на единственном якоре.

На мне.

Я не могла пошевелиться. Мои пальцы всё еще сжимали ткань его рубашки на спине. Пульс бился так сильно, что резонировал с его сердцебиением.

Его лицо приблизилось. Еще доля секунды...

Резкий стук в двери разорвал тишину.

Гарет замер. Наваждение лопнуло. Его глаза расширились, и ледяная стена контроля рухнула, между нами.

Он резко отстранился.

Стук повторился. Настойчивее.

— Ректор Морвейн? — голос Кассиана Роука просочился сквозь двери. — Центральный контур зафиксировал критический всплеск нестабильности. Я могу войти?

Глава 9. Алиби для палача

Стук повторился. Тяжелый, методичный, отдающийся эхом в каждой кости моего измученного тела.

— Ректор Морвейн? Центральный контур зафиксировал

критический всплеск нестабильности в вашей башне. Я могу войти?

Голос Кассиана Роука просочился сквозь толщу дубовых дверей, как ядовитая змея.

Наваждение лопнуло с оглушительным, беззвучным треском.

Гарет отпрянул от меня так резко, словно моя кожа покрылась кислотой. Мужчина, чье сбитое дыхание секунду назад обжигало мое лицо, чьи пальцы собственнически сжимали мою талию, исчез в одно мгновение. Под бетонной плитой абсолютного, ледяного самоконтроля.

Он вскочил на ноги. Движения потеряли всякую слабость — снова хищная, рубленая пластика боевого мага.

Я осталась стоять на коленях посреди разгромленного кабинета, судорожно хватая ртом воздух. Мои руки, лишённые его тепла, мгновенно заледенели. В груди разлилась острая, сосущая пустота.

Но хуже всего была метка. Сквозь резонансную цепь я чувствовала, как Гарет буквально выкручивает собственные эмоции наизнанку. Он безжалостно давил в себе остатки того темного влечения, возводя ментальные стены, утыканные лезвиями.

Ректор поднял руку, не глядя на меня. Пространство вокруг исказилось. Гравитационные аномалии схлопнулись с резким хлопком. Обломки рухнули на пол, книги осели тяжелыми пластами. Он не стал восстанавливать порядок до

конца — только сбросил хаос в одну груду.

Затем он повернулся ко мне. Его глаза превратились в два куска серого льда.

Он шагнул вперед, наклонился и грубо схватил меня за предплечье, рывком вздергивая на ноги. Я тихо ахнула от боли — его пальцы впились в обожженные мышцы.

— Подыгрывай, — одними губами, беззвучно приказал он. — Ты — сломленная жертва. Я выбивал из тебя хаос.

Я не успела кивнуть.

Гарет швырнул меня назад. Удар был рассчитан точно — не сокрушительный, но моего истощенного тела хватило, чтобы отлететь на пару шагов и тяжело рухнуть в груды свитков и щепок.

Из легких выбило воздух.

В этот момент двери с протяжным скрипом распахнулись.

В проеме стоял Кассиан Роук. Его охристая мантия колыхалась. Бледный череп с пульсирующими татуировками мерцал в тусклом свете. Водянистые глаза мгновенно просканировали разрушения: расколотый стол, выбитые стекла, трещины на стенах.

И я, скорчившаяся на полу, тяжело дышащая, с растрепанными волосами и бледным лицом.

Взгляд Роука медленно, с садистским интересом скользнул от меня к Гарету.

Ректор возвышался посреди комнаты. Рубашка расстегнута, грудь тяжело вздымается. Волосы растрепаны. Он выгля-

дел как палач, только что закончивший смену. Воздух вокруг него был арктически холодным.

— Какое... экспрессивное зрелище, лорд Морвейн. — Голос Роука разрезал тишину. — Защитные системы зафиксировали выброс колоссальной мощности. Я был уверен, что произошла детонация магического ядра.

— Ваша уверенность, как всегда, опережает факты, Кассиан. — Голос Гарета был ровным, лишенным одышки. — Я проводил индивидуальное тестирование.

Роук перевел взгляд на меня.

— Тестирование? Выглядит так, словно вы пытались разобрать адептку на атомы. Боюсь, Совет Ордена может счесть такие методы радикальными.

— Мне плевать, что сочтет Совет. — Гарет шагнул в сторону, загораживая меня спиной. — Эта девчонка — неконтролируемая угроза. Сегодня на полигоне она обнулила боевое заклинание Торна голыми руками. Если бы я не разрядил ее контур до основания, она бы разнесла половину Южного крыла.

Его слова были жестокими. Он выставлял меня бомбой замедленного действия. Моя прагматика понимала: он создает алиби. Он защищает нас обоих.

Но метка пульсировала иной правдой. Сквозь серебристые руны я чувствовала, как внутри Гарета всё стягивается в тугую узел ненависти к самому себе за эти слова. Его отчаянную потребность обернуться, проверить, не сломал ли

он меня.

Я заставила себя всхлипнуть. Тихо. Сдавленно.

Прагматика выживания. Он просил подыграть — я подыграю.

Я сжалась в комок, обхватив плечи дрожащими руками, и опустила голову. Плечи мелко затряслись — и это не пришлось играть: истощение брало свое.

Роук внимательно наблюдал.

— Поразительно. — Его голос стал вкрадчивым. — Уничтожить заклинание Торна... Невероятный потенциал. Возможно, если бы вы позволили мне взглянуть на ее ауру через мои приборы...

— Вы не прикаснетесь к ней, Кассиан.

Слова Гарета упали тяжелыми плитами. В них прозвучала темная, первобытная угроза. Даже улыбка Роука на мгновение дрогнула.

— Она нестабильна. — Ректор жестко добавил: — Любое внешнее вмешательство сейчас приведет к цепной реакции. Ее контур истощен. Я выжег из нее всё, что мог.

Роук помолчал. Его глаза скользнули по лицу Гарета, ища трещину.

— Что ж. Вы ректор. Ваше слово — закон. — Артефактор склонил голову. — Однако я счел своим долгом предупредить вас лично. Выброс на полигоне не остался незамеченным.

Пауза. Он смаковал момент.

— Слухи уже достигли столицы. Разрушенная галерея, сегодняшняя демонстрация на арене, ваши методы укрощения этой аномалии... — Роук улыбнулся одними губами. — Орден принял меры.

Спина Гарета напряглась. Я почувствовала это и через метку — резкий спазм тревоги, который он тут же заглушил.

— Завтра утром в Академию прибывает Инспектор Инквизиции. — Голос Роука прозвучал как лязг крышки саркофага. — Он уполномочен провести полную проверку нулевого курса. И, боюсь, лорд Морвейн, ваших личных гарантий будет недостаточно, чтобы спасти эту девочку от Костра Истины, если Инспектор обнаружит в ее даре скверну.

В кабинете повисла мертвая тишина.

Инквизиция. Слово в любом мире означало приговор.

Гарет не сдвинулся ни на миллиметр.

— Я приму Инспектора со всеми протоколами. — Голос был ровным, как сталь. — Академии нечего скрывать.

— Искренне на это надеюсь, лорд Морвейн. Спокойной ночи.

Роук развернулся и бесшумно растворился в сумраке. Двери сомкнулись, замки щелкнули, контуры защиты активировались.

Мы остались одни.

Гарет продолжал стоять ко мне спиной. Я видела, как тяжело вздымается его грудь. Он не спешил поворачиваться.

Я медленно, стиснув зубы от боли, поднялась на ноги. Ко-

лени дрожали.

— Инспектор... — Мой голос был хриплым. — Что это значит?

Он резко развернулся. В его глазах не было ледяного равнодушия. Там полыхал темный пожар.

— Это значит, Таисия, — он выделил мое имя, и от этой хриплой интонации по спине пробежал жар, — что завтра утром вашу ауру вывернут наизнанку. И если вы не сможете скрыть свой хаос, вас сожгут заживо.

Глава 10. Фасады и трещины

Утро обрушилось на Академию тяжелым, свинцовым напругой.

Оно ощущалось физически — в неестественной тишине коридоров, в скованных движениях адептов, в приглушенных голосах, которые мгновенно замолкали при появлении преподавателей. Новость о прибытии Инспектора Орде на расползлась быстрее лесного пожара.

Я стояла перед зеркалом в своей камере сектора безопасности, затягивая шнурки на ботинках. Пальцы слушались плохо. Ночь прошла в лихорадочном полубытии.

Стоило закрыть глаза — перед мысленным взором всплывало искаженное лицо Гарета, тяжесть его тела в моих руках и тот обжигающий взгляд, от которого кровь бросалась в лицо.

Я коснулась левого запястья. Под кожей, скрытая иллюзи-

ей, пульсировала резонансная метка. Сегодня она вела себя иначе. Никаких всплесков, никаких эмоций — только ровный, глухой холод. Гарет возвел вокруг сознания монолитную стену. Он готовился к Инквизиции. И он отрезал меня.

«Играем в фасады. Два игрока, которые делают вид, что не знают друг друга», — подумала я.

Я резко выпрямилась, одернув перешитую блузу. Никаких слабостей.

Когда я вышла в Центральный холл, пространство вокруг меня мгновенно опустело. Адепты шарахались, образуя живой коридор. В их взглядах не было высокомерной насмешки — только животный страх. Я обнулила Торна. Я выжила после «наказания» ректора. Теперь за мной шла Инквизиция.

На верхнем пролете лестницы, окруженная свитой, стояла Эйлина Вейр.

Она не произнесла ни слова. Просто посмотрела на меня сверху вниз. В ее глазах плескалось холодное торжество. Она была уверена: мой завтрак — последний.

Я встретила ее взгляд ровным, ничего не выражающим взглядом и прошла мимо.

И в этот момент температура в холле резко упала.

Разговоры стихли. Воздух уплотнился.

Навстречу мне, в окружении трех магистров, шел Гарет Морвейн.

Безупречный черный сюртук, застегнутый под горло. Ни единой складки. Идеальная осанка, жесткая линия челюсти,

тяжелый взгляд. Он двигался с пугающей грацией хищника.

Мое сердце сбилось с ритма. Метка на запястье болезненно сжалась.

Дистанция сокращалась. Десять шагов. Пять.

Я инстинктивно замедлила шаг.

Гарет прошел мимо.

Он даже не повернул головы. Его глаза, холодные и мертвые, как зимний океан, скользнули сквозь меня. Словно я была пустым местом. Словно не было обжигающих прикосновений, спасенной жизни, резонансной цепи.

Абсолютный, арктический холод.

Магистры из его свиты бросили на меня брезгливые взгляды. Гарет просто вычеркнул меня из реальности.

Они скрылись за поворотом.

Я стояла посреди замершего холла. В груди разлилась горячая, злая горечь.

«Прекрасно, лорд Морвейн. Играем в фасады. Посмотрим, чей треснет первым», — подумала я.

Я развернулась и направилась в лаборатории Восточного крыла. По расписанию у нулевого курса стояла «Основы артефакторики». Магистр Кассиан Роук.

Лаборатория Роука напоминала внутренности безумного механизма. Полумрак разбавлялся свечением десятков кристаллов. Полки ломились от металлических сфер, стеклян-

ных колб с пульсирующей энергией и сложных конструкций, вращающихся в воздухе.

Кассиан Роук стоял за длинным каменным столом. Его череп с татуировками тускло отсвечивал. Когда я вошла и заняла самое дальнее место, его рыбы глаза мгновенно сфокусировались на мне. На пухлых губах мелькнула улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.